

Пермский край
2022-2023 учебный год
ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
11 КЛАСС

Уважаемый участник олимпиады!

Вам предлагается выполнение аналитического и творческого заданий.

Время выполнения заданий – 270 минут (4 часа 30 минут).

Использование дополнительного материала (текстов художественной литературы, словарей разных видов, средств мобильной связи) исключается.

Максимально возможный балл – **100**.

1. Аналитическое задание

Проведите анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного) — на выбор!

Максимальный балл за аналитическое задание – 70.

Комплексный анализ стихотворного текста

Определите, с каким поэтом серебряного века ведет своеобразный диалог Ю. Левитанский.

Я был приглашен в один дом,
в какое-то сборище праздное,
где белое пили и красное,
болтали о сем и о том.

Среди этой полночи вдруг
хозяйка застолье оставила
и тихо иголку поставила
на долгоиграющий круг.

И голос возник за спиной,
как бы из самой этой полночи
шел голос, молящий о помощи,
ни разу не слышанный мной.

Как голос планеты иной,
из чуждого нам измерения,
мелодия стихотворения
росла и росла за спиной.

Сквозь шум проридались слова,
и в кратких провалах затишья
ворочались четверостишья,

как в щелях асфальта трава.

Но нет, это был не пророк,
над грешными сими возвышенный, —
скорее ребенок обиженный,
твердящий постылый урок.

Но три эти слова — не спи,
художник! — он так выговаривал,
как будто гореть уговаривал
огонь в полуночной степи.

И то был рассказ о судьбе
пилота,
но также о бремени
поэта, служение времени
избравшего мерой себе.

И то был урок и пример
не славы, даримой признанием,
а совести, ставшей призванием
и высшею мерою мер.

...Я шел в полуночной тиши
и думал о предназначении,
об этом бессрочном свечении
бессонно горящей души.

Был воздух морозный упруг.
Тянуло предутренним холодом.
Луна восходила над городом,
как долгоиграющий круг.

И летчик летел в облаках.
И слово летело бессонное.
И пламя гудело высокое
в бескрайних российских снегах.

1976

ИЛИ

Целостный анализ прозаического текста

М. Горький

Гривенник Эпизод из жизни одного романтика

...Мне хочется рассказать самый грустный случай из моей жизни, рассказать о первой насмешке судьбы надо мной, о том, что впервые познакомило меня с тоской и заставило сердце моё в страхе задрожать от жестокой иронии случая, – иронии, которую так часто и так безжалостно действительность бросает в лицо мечтателей.

Это было весной; только что распустились деревья. Они стояли в пышном уборе зелени, ещё бледной и девственной, и густой запах её был так сладок, точно с неба он струился вместе с песнями невидимых глазу жаворонков.

Всё вокруг меня было свежо и ново – даже земля, на которой я лежал у опушки леса, казалась обновлённой и как бы обещавшей людям много чего-то такого, что ещё неизвестно им.

Был полдень.

Партия рабочих, производившая технические изыскания для железнодорожной ветки, расположилась среди поля на отдых, а я, в то время двадцатилетний «практикант», студент-технолог, отошёл от рабочих в сторону сажень на двести, лёг у опушки леса и, облокотившись на старый пенёк, смотрел в небо.

Ощущение новизны и свежести, веявшей от всего, что окружало меня, и та весенняя нега и мечтательность, с которыми знаком каждый, кто любит одиночество и природу, – всё это погрузило меня в состояние полудремоты, в призрачное нечто, сплетённое из многих полудум, полуощущений, сладко усыпляющих чувство бытия и в то время как бы расширяющих границы сознания.

Иногда ветер тихо колыхал лес, и мягкий шум его ветвей ещё более убаюкивал меня, уплывая в бесконечность небес, заглушая живые трели жаворонков и исчезая в голубой пустыне, ласкавшей мои глаза нежным тоном своей окраски.

Мне было хорошо, и, как всегда бывает в такие моменты, я не сознавал времени. Бог знает, сколько минут или часов прошло в грёзах до той поры, пока мой слух не уловил звуков песни, доносившейся из леса. Вместе со всем остальным, что звучало вокруг, я вдыхал в себя и эту песню, не разбирая её слов, и мне было лень открыть глаза, чтобы посмотреть, кто это поёт.

Но я сознавал, что это поёт женщина, – поёт и всё приближается ко мне. Сочный, сильный контральто лился широкой, вибрирующей струёй, и тихий шелест листвы как бы служил фоном ей.

«Должно быть, красавица...» – подумал я, открывая глаза.

Я не ошибся. Она как раз в этот момент вышла из леса и, вздрогнув, остановилась на опушке его. Одной рукой она схватилась за ветвь дерева, другую быстрым движением прижала к груди...

Высокая и стройная, в белой пуховой пелерине на плечах, в тяжёлом сиреневом платье, плотно охватывавшем её бюст и пышными складками падавшем от бёдер к ногам, – она стояла неподвижно, устремив на меня большие тёмные глаза, и между её тонких бровей легла резкая складка.

Она испугалась меня, испуг сверкал в её глазах, и щёки её сначала вспыхнули розовым огнём...

С пылающим лицом, готовая защищаться, царственно хороша была она! Боязнь не всю гордость убила в ней, и немножко презрения всё-таки сверкало в её взгляде на меня.

А я, очарованный её красотой, неподвижно и не сводя глаз с её лица, смотрел на неё и, не будь её волосы чёрными, быть может, принял бы её за фею...

Секунду, не более, наверное, она оставалась неподвижной против меня, но я много пережил в эту секунду. То хорошее, что падает в жизни на нашу долю, всегда измеряется секундами.

Великое наслаждение смотреть на красивую женщину глазами, не затемнёнными туманом низменных желаний.

Я именно так смотрел на эту женщину, и я не мог смотреть иначе, ибо не был уверен, действительно ли это женщина – существо из костей, крови и нервов, или же это воплощение неуловимых грёз моих – всего, что я ощущал до момента её появления предо мной?

Но вот она улыбнулась чуть-чуть, только углами губ, пошла, и, когда она проходила мимо меня, край её платья едва не коснулся моей головы и лёгкое веяние опахнуло мне лицо.

Я был невыразимо счастлив, что мог смотреть на неё: поистине, она была дивно хороша! И особенно врезался в память мою её лоб, – высокий мраморный лоб, с тонкими выгнутыми бровями и резкой, гордой, царственно гордой складкой между ними. Это придавало ей вид богини, оскорблённой тем, что смертный осмелился не упасть пред её красотой.

Она уходила медленно, плавно и бесшумно; мне казалось, что стебли травы не сгибаются под её ногами, мне становилось грустно по мере того, как она уходила. Вот она уходит, и я не вижу уже больше её дивного, гордо-прекрасного лица!

С каждым шагом её грусть моя всё увеличивалась и сердце билось всё сильнее, точно стремясь вослед ей... Я уже готов был крикнуть что-нибудь, чтобы она обернулась и – хоть раз ещё, один только раз ещё – взглянула на меня.

И вдруг она действительно оглянулась. Тогда, повинувшись какому-то внутреннему толчку, весь вспыхнув от счастья, я поднялся с земли и протянул к ней одну руку...

Она, улыбаясь ласково и ясно, пошла ко мне. С чувством благоговейного трепета я ждал её, и в глазах моих всё темнело и странно вращалось. Восторг, неведомый мне до той поры, охватил меня, я дрожал; быть может, я даже плакал от счастья...

Вот она подошла ко мне, я ощутил тонкий запах духов, что-то холодное капнуло мне в руку... я судорожно сжал её.

И я долго потом смотрел вслед красавице, – долго, пока она не скрылась вдали за придорожными кустами. Мне было до боли сладко смотреть вслед ей, и я чувствовал, что она

не ушла от меня – воспоминание о прекрасной, великодушной, чуткой и гордой, как о символе всего лучшего в жизни, осталось в моём сердце навсегда вместе с отпечатком её дивного лица...

Но вот я разжал руку, чувствуя, что в ней осталось что-то...

Лучше бы ослепнуть мне пред этим!

В моей руке был гривенник, маленький серебряный гривенник, но он был так страшно тяжёл! Невыразимо тяжёл!

Лучше бы она ударила меня, эта красавица!

Зачем, зачем она была так добра?

Я чувствовал, что душа моя неизлечимо ранена...

Я понял: моя грязная блуза и весь костюм рабочего заставили её принять меня за бродягу; мой жест она истолковала как прошение милостыни...

Зачем она была так сострадательна?

...Мне не раз в течение жизни приходилось вспоминать об этом пошлом, маленьком, мешански скромном и блестящем гривеннике.

Я имел храбрость искать в любви высоких и чистых духовных наслаждений, ждал от неё возрождения духа, новой жизни, и, когда та, которой я отдал душу, раскрыла предо мной себя, – я с болью вспомнил о гривеннике, лёгонькой, пошло блестящей монетке.

Я многого искал и много раз ждал... Но находил мало и всегда вспоминал об этом пошлом гривеннике.

И вот теперь, когда жизнь моя иссякла, стала пуста и скучна, – ибо нет больше у меня желаний, нет уже их! – и вот теперь, оглядываясь в прошлое, туда, где некогда ярко загоралась заря бытия моего, в даль, где остались надежды и желания, я спрашиваю себя:

– Не была ли эта женщина Судьбой: не была ли она Жизнью, которая всегда, когда приближается к нам, обещает так много, но, охватив нас, как нищим, бросает крохи и гроши и, исчезая, – оставляет нас такими же нищими и убогими, каковы мы и в первый день рождения?

1896

2. Творческое задание

Перед вами отрывок из стихотворения В. Раевского «Друзьям в Кишинев», посвященного А.С. Пушкину. Подробно прокомментируйте подчеркнутые слова и словосочетания в предложенном стихотворении.

За каждый верный ответ – 3 балла. Максимально возможный балл за творческое задание – 30.

Итак, я здесь... за стражей я...

Дойдут ли звуки из темницы

Моей расстроенной цевницы

Туда, где вы, мои друзья?

Еще в полусвободной доле

Дар Гебы пьете вы, а я
Утратил жизни цвет в неволе,
И меркнет здесь заря моя!
В союзе с верой и надеждой,
С мечтой поэзии живой
Еще в беседе вечевой
Шумит там голос ваш мятежный.

Еще среди пышного обеда,
Где Вакх чрез край вам вина льет,
Сей дар приветный Ганимеда
Вам негой сладкой чувства жжет.

Но пусть счастливейший певец,
Питомец муз и Аполлона,
Страстей и бурной думы жрец,
Сей берег страшный Флегетона,
Сей новый Таргар воспоем:
Сковала грудь мою, как лед,
Уже темничная зараза.
Холодный узник отдает
Тебе сей лавр, певец Кавказа;
Коснись струнам, и Аполлон,
Оставя берег Альбиона,
Тебя, о юный Амфион,
Украсит лаврами Бейрона.
Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,

\